

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ИДИОСТИЛИЯ УЧЕНОГО (на материале текстов Л. Н. Мурзина)

Владимир Александрович Салимовский

профессор кафедры речевой коммуникации

Пермский государственный университет

614990, Пермь, ул. Букирева, д. 15, корп.5, ауд.78. Salimovsky@rambler.ru

Статья демонстрирует целесообразность использования категории «образа автора» при изучении индивидуального речевого стиля ученого. На основе гипотезы об основном аксиологическом принципе исследований профессора Л.Н.Мурзина описаны важнейшие стилевые черты его научно-речевых произведений: приоритетность постановочного речевого жанра; повышенная плотность выражаемых в тексте эвристичных идей; специфическая косвенность высказываний, воплощающих ключевые смыслы; соответствие стилистико-речевой организации текстов нормам не только письменной, но и устной научной речи и др.

Ключевые слова: идиостиль; стилевая черта; научная речь; речевой жанр.

Как известно, теория идиостиля формировалась при изучении художественной речи. В классических работах Л.Шпитцера индивидуальный стиль художника слова описывается как совокупность стилевых черт – проявлений индивидуально-авторской манеры письма. Каждая из этих черт имеет психологическую основу. Все вместе они обуславливаются неким «духовным этимоном» – состоянием души художника при создании текста [Шпитцер 2007].

В концепции В.В.Виноградова интегрирующим началом художественного произведения выступает *образ автора*. Со ссылкой на Л.Н.Толстого ученый определяет ядро этого понятия как «единство самобытного нравственного отношения автора к предмету» [Виноградов 1971: 181].

В отечественной стилистике 1970-х гг. была высказана мысль о плодотворности категории образа автора для изучения не только художественных, но и научных текстов. Обосновывая ее, М.Н.Кожина и Л.М.Титова писали: «...в целом для научной речи, в особенности... для трудов теоретических, стилистико-речевая индивидуальность весьма характерна. И это естественно и закономерно, она оказывается проявлением творческого мышления, которое не может быть однотипным, единообразным, безликим... Оригинальность мышления не может не обнаружить себя в речи» [Кожина, Титова 1976: 110].

Нужно отметить, что с этого времени лингвисты исследовали проявления индивидуально-стилевого ученого главным образом в отношении

выбора и использования языковых единиц разных уровней. К сожалению, такой анализ часто не давал значимых результатов.

Между тем по мере развития лингвистики текста утверждается понимание стиля как способа осуществления текстовой деятельности, принципа интеграции речевого произведения [Hausenblas 1972, 1995]. В стилистическое исследование постепенно вводятся понятия общепсихологической теории деятельности, теории коммуникации, лингвосемиотики, лингвопрагматики, когнитологии [Купина 1983; Болотнова, Бабенко, Васильева и др. 2001; Gajda 2001]. Это открывает новые возможности в изучении индивидуального стиля субъекта речи в различных коммуникативных сферах.

Известно, что для каждой сферы культурного творчества характерен особый способ отношения автора к действительности, или, говоря словами М.М.Бахтина, особый принцип преломления бытия [Бахтин 1993: 20]. Так, например, если эстетическое творчество заключается прежде всего в созерцании единичных предметов, постигаемых как нечто завершенное и целостное, когда значимость предмета для нас и его сущность «прозреваются» силой непосредственного чувства, то научное творчество сопряжено главным образом с интеллектуальным (аналитическим) расчленением предметов и явлений, установлением их объективных общих и существенных свойств [Хализов 2002: 16-17].

Анализируя идиостиль ученого, будем исходить из посылки, согласно которой субъект тек-

стовой деятельности, реализуя научный принцип отражения действительности, объективирует при этом «единство самобытного отношения к предмету». Гипотеза об этом отношении может лечь в основу описания важнейших черт идиостиля. (Симптоматично, что рассмотрение ценностных установок ученого иногда включается в характеристику его индивидуальной манеры письма [см.: Gajda 1996])

Важнейшим аксиологическим принципом научного творчества Леонида Николаевича Мурзина можно, по-видимому, считать его убежденность в *самоценности эвристичной идеи*. Это предположение отчасти обусловлено высказываниями самого Л.Н.Мурзина о науке на методологических семинарах для аспирантов. Но главное: оно подтверждается анализом стиливых особенностей его научной речи. Кратко остановимся на некоторых из них.

● Доминирующим речевым жанром научных работ Л.Н.Мурзина является постановочный текст. Показательны названия исследований ученого: «Связный текст и грамматическая система языка (к постановке вопроса)», «Возвратная конверсия предложения (к постановке вопроса)», а также формулировки цели исследования: «В данной статье попытаемся поставить два вопроса...» [О суггестивно-магической: 108]. Подобные жанровые маркеры, конечно, не обязательны. И при их отсутствии большинство научно-речевых произведений Л.Н.Мурзина обнаруживает структуру постановочного жанра.

Нередко говорят, что хорошая постановка проблемы – половина решения. Л.Н.Мурзин, вероятно, согласился бы с суждением философа науки Б.С.Грязнова о том, что «утверждение о "половине" – продукт скромности. Если в проблеме есть половина, то есть и все решение» [Грязнов 1977: 61].

Действительно, ядром постановочного текста выступает выражение идеи (формулировка гипотезы), экспликация которой предполагает дальнейшее построение концепции, т.е. решение проблемы.

Постановочный текст имеет определенное типовое строение [Салимовский 2002: 95-126]. Коммуникативно-познавательные действия, конституирующие этот жанр, совершаются Л.Н.Мурзиным значительно чаще, чем другие. Некоторые тексты ученого строятся как развернутая реализация отдельных информационных блоков данного жанра.

● Важная стиливая черта научно-речевых произведений Л.Н.Мурзина – *повышенная плотность в тексте эвристичных идей*. Наиболее характерный для ученого тип изложения: идея – аргументация (или пояснение), идея – аргумен-

тация... Каждая последующая оригинальная мысль развивает предыдущую, причем обычно неожиданным образом. В целом же создается стройная логическая конструкция.

Пример цепочек хода мысли (термин Т.В.Матвеевой) в пределах небольшого текстового пространства (1-2 с. печатного текста):

Если мы хотим видеть в языке динамическую... систему, то мы должны считать текст непрременной принадлежностью языка <...> Мы должны предположить, что над текстом надстраивается еще один уровень... именно культура и составляет этот наивысший уровень <...> Текст есть формальная единица культуры; культура... состоит из текстов, хотя качественно и не сводится к ним... [Язык: 164-165];

... чем чаще употребляется лингвистическая единица, тем она нормативнее <...> все производные формы языка тяготеют к ненормативности, все производящие – к нормативности <...> нормативными следует считать те формы в языке, структура которых прямо соответствует их логической структуре... чем психологически нейтральней является единица языка, тем она нормативней [Норма: 7].

● Не менее характерная черта идиостиля Л.Н.Мурзина – особая косвенность высказываний, выражающих основные положения концепции. Говоря о повышенной косвенности высказываний, мы имеем в виду, что они, в отличие от высказываний прямых, предполагают приложение интерпретационных усилий адресата [Деметьев 2000]. Конечно, любое творческое суждение ученого является с этой точки зрения косвенным. Но в текстах Л.Н.Мурзина это коммуникативное свойство высказываний обнаруживает себя особенно явно.

Например, утверждение *Культура составляет наивысший уровень языка* [Язык: 165] окажется просто непонятным (неприемлемым), если адресат вслед за автором хотя бы на время прочтения текста не примет трактовку языка как любой семиотической системы, если он не откажется от противопоставления языка и речи, если в соответствии с предлагаемой логикой не пересмотрит сложившиеся представления о языковых единицах и т.д.

Такие утверждения, как *Текст является связным потому, что любая последующая конструкция включает предыдущую* [Основы: 24] или *Чем чаще употребляется лингвистическая единица, тем она нормативнее* [Норма: 7], вероятно, будут восприняты во многих случаях как не соответствующие фактам и потому неверные. Они будут поняты адекватно лишь тогда, когда мы отнесем к ним как к результату лингвистического моделирования, считая при этом, как и

Л.Н.Мурзин, что модель выявляет законы и правила в чистом, т.е. логическом виде, игнорируя отступления. Вот суждение самого Л.Н.Мурзина на этот счет: «...Если в языке (в речевой деятельности) мы не обнаруживаем фактов, противоречащих нашей модели, то это значит, что мы построили плохую, неинтересную модель» [Мурзин 1990: 5].

Как видим, ключевые высказывания работ Л.Н.Мурзина – это особый вид косвенных высказываний, требующих от адресата погружения в оригинальную (не соответствующую наиболее устоявшимся представлениям) картину действительности и предполагающих приложение значительных интерпретационных усилий.

● Столь же явно творческое своеобразие научного мышления Л.Н.Мурзина, – мышления, отличающегося особой глубиной и диалектичностью, – находит выражение в продуцировании парадоксальных утверждений: *Язык одновременно является стандартным и нестандартным...* [О суггестивно-магической: 110]; *Оба эти объекта одновременно и дискретны, и континуальны* [Язык: 166]; *Готовые компоненты являются новыми, в то же время образуемые – готовыми* [Деривация: 6-7]; *Любой текст заключает в себе противоречие: он принадлежит его создателю... и вместе с тем не принадлежит ему...* [Норма: 9]; *Одна и та же лингвистическая единица может признаваться то нормативной, то ненормативной в одно и то же время* [Норма: 6] и под.

● Необходимость донесения до адресата идей, для выражения которых еще не созданы концептуальные средства, объясняет регулярное использование аналогий:

...первое [предложение] предопределяет какую-то часть содержания последнего, как наши далекие предки предопределили наши особенности... такие, как цвет волос, кожи, форма глаз и т.п. [Основы: 24]; *Поле аналогично комете, в которой есть плотное ядро и огромный разреженный хвост* [Полевая: 11]; *Информация, сопровождающая сообщение, – это аура. Как можно представить ауру? Испарение земли, духи, окутывающие женщину, – аура* [Полевая: 11]; *Что касается нормы, то она пассивна, она скорее фон, чем рисунок на картине* [Норма: 9];

тщательно подобранных выразительных приемов:

... Юрий Никулин рассказал серию анекдотов. Суть эффекта... заключается в том, что слушателями они воспринимаются как отдельные тексты, тогда как автор (рассказчик) их связывает в одно целое.

1. *Можно ли в три приема поместить бегемота в холодильник?*

– *Можно: открываем дверцу холодильника первый прием; закладываем бегемота – второй прием; закрываем дверцу – третий.*

2. *Можно ли в четыре приема поместить в холодильник жирафа?*

– *Можно: открываем дверцу первый прием; вытаскиваем бегемота второй; и т.д.*

3. *Может ли жираф догнать бегемота?*

– *Нет, потому что он в холодильнике* [Текст: 15-16];

На разрыве «советской» и «буржуазной» культуры были построены многие из тех текстов, которые именуются анекдотами. Таков, например, анекдот о трех американских шпионах, один из которых, удачно избежав ареста, поднял руки вверх, когда в гастрономе к нему подошли двое в штатском, сказав: «А вот и третий!» [Язык: 164].

● Л.Н.Мурзин любил представлять свои новые идеи в устных публичных выступлениях. Он создал кружок, на котором часто выступал с докладами. Во многих случаях они предваряли публикацию статей и книг ученого.

С установкой Л.Н.Мурзина на непосредственный контакт с аудиторией связана еще одна важная черта его идиостиля: научные тексты Л.Н.Мурзина хорошо согласуются с нормами устной публичной речи.

Как известно, в общем случае перевод письменного текста в устную форму требует его стилистической переработки. При этом должен учитываться закон глубины оперативной памяти, в связи с чем желателен отказ от структур большой протяженности и усложненного грамматического строения [Лаптева, Константинова 1985]. Между тем, если провести стилистический эксперимент, заключающийся в устной трансляции письменных текстов Л.Н.Мурзина, то необходимости в их предварительном редактировании, как правило, не возникнет. Объясняется это тем, что, при сохранении средней для письменной научной речи длины предложения, в текстах Л.Н.Мурзина почти не встречаются номинализации сложного деривационного строения.

Ниже приводится произвольно взятый фрагмент одной из статей Л.Н.Мурзина. Без каких-либо затруднений он был бы воспринят и как фрагмент устной публичной речи:

Из интерпретационной природы культуры вытекает ряд важных следствий. Понятие интерпретации текста предполагает процесс его осознания. Не случайно, наверное, В.В.Налимов вслед за Хайдеггером и другими экзистенциалистами ставил в определенном смысле знак равенства между текстом и сознанием. Осознать текст мы можем только создав параллельный, аналогичный, но все-таки другой текст. Чужие

тексты человек понимает через посредство своего собственного текста. «Свой» текст может быть как угодно близким «чужому» но не может быть ему тождественным, он чем-то будет от него отличаться. Следовательно, культуру нельзя представить в виде некоей застывшей массы текстов... [Язык: 167].

Как видим, здесь нет номинализаций, требующих мысленной деривационной реконструкции и потому с трудом воспринимаемых на слух. (Об интерпретации словосочетаний как номинализаций см. статью В.А.Мишланова в настоящем выпуске журнала.) Между тем в письменной научной речи словосочетания со сложной деривационной структурой – обычное явление.

Органичность для Л.Н.Мурзина норм публичного общения в отдельных случаях проявляется в риторической организации речи, в частности, в использовании повторов, в параллелизме синтаксических конструкций, иногда осложненных другими приемами или тропами (употреблением антонимов, метафор):

Культура в сознании носителей непрерывно видоизменяется: она живет постольку, поскольку ее компоненты – тексты – интерпретируются, она умирает без интерпретации [Язык: 167]; *В этом слабость любой модели, но в этом и ее сила. Слабость – потому, что модель... Сила – потому, что модель...* [Лингвистическое: 5].

Установка на публичное общение проявляется и в речевых вкраплениях с разговорной или публицистической окраской: *Норма и ненорма... ходят где-то рядом* [Норма: 6]; *...некоторые «чистые» лингвисты... критикуют психолингвистов не справа, как это было раньше, а слева...* [Лингвистическое: 4]; *Короче, я за плюрализм лингвистических моделей...* [Лингвистическое: 10].

• Как отмечалось, лингвисты, изучая идиостиль ученого, стремятся определить его особенности прежде всего в выборе и использовании языковых средств. Думается, что прогресс в решении этой задачи может быть связан с исследованием наиболее характерных для работ автора-ученого коммуникативно-познавательных действий (их блоков).

Так, при рассмотрении текстов Л.Н.Мурзина нетрудно заметить, что экспликация им новой идеи предполагает использование дефиниций, а также описание существенных свойств объекта и в связи с этим активизацию именных подлежащих-сказуемых предложений (...культура – носитель определенной ситуации; Она принципиально полисемiotична [Язык: 166]). Объяснение адресату логики теоретических построений сопровождается использованием в речи клиши-

рованных единиц метатекстового плана (*Если мы хотим видеть... то мы должны считать...* [Язык: 164]). Осуществляемый ученым-теоретиком анализ отношений между абстрактными объектами ведет, в частности, к употреблению различных сопоставительных конструкций (*Культура... дискретна. Но и текст тоже дискретен... Культура же, напротив, не может обойтись без опоры на множество языков...* [Язык: 166]). Развернутая характеристика проблемной ситуации предполагает широкое употребление конструкций чужой речи (*Глубоко прав Г.В.Рамишвили, который полагает, что...* [Язык: 160]).

Таким образом, изучая коммуникативно-познавательные действия, конституирующие идиостиль ученого, мы получаем возможность описать и их языковую форму.

Резюмируем сказанное. Мысль о том, что интегрирующим моментом речевого идиостиля является особое отношение субъекта к отражаемой им действительности, с полным основанием может быть отнесена не только к художественной, но и к научной коммуникации (возможно, и к общению в некоторых других сферах).

Важной особенностью научного мировоззрения Л.Н.Мурзина была его убежденность в приоритетном значении эвристичной идеи. С этим ценностным ориентиром ученого, с особенностями его творческого мышления связаны важнейшие черты его идиостиля: преимущественная актуализация постановочного речевого жанра; высокая плотность объективируемых в тексте творческих идей; специфическая косвенность высказываний, воплощающих эти идеи; деривационное строение предложения, соответствующее нормам как письменного, так и устного академического общения, и др.

Анализ коммуникативно-познавательных действий, особенно характерных для работ ученого, открывает новые возможности описания поверхностно-речевой организации индивидуального стиля, создаваемой приемами выбора и использования языковых средств.

Список источников

Возвратная – Мурзин Л.Н. Возвратная конвенция предложения (к постановке вопроса) // Проблемы теории грамматического залога. Л.: Наука, 1878. С. 118-122.

Деривация – Мурзин Л.Н. Деривация в синхронном и диахронном аспектах // Деривация и история языка / Перм. ун-т, Пермь, 1987. С. 4-10.

Лингвистическое – Мурзин Л.Н. Лингвистическое моделирование и деривация в речевой деятельности // Деривация в речевой деятельности / Перм. ун-т, Пермь, 1990. С. 4-10.

Норма – Мурзин Л.Н. Норма, речевой прием и ошибка с динамической точки зрения // Речевые приемы и ошибки: типология, деривация и функционирование. М.: Ин-т. языкозн. АН СССР, 1989. С. 5-13.

О суггестивно-магической – Мурзин Л.Н. О суггестивно-магической функции языка // Фатическое поле языка / Перм. ун-т, Пермь, 1998. С. 108-114.

Основы – Мурзин Л.Н. Основы дериватологии / Перм. ун-т, Пермь, 1984. 56 с.

Полевая – Мурзин Л.Н. Полевая структура языка: фатическое поле // Фатическое поле языка / Перм. ун-т, Пермь, 1998. С. 9-14.

Связный – Мурзин Л.Н. Связный текст и грамматическая система языка (к постановке вопроса) // Текст в процессе преподавания иностранного языка / Перм. ун-т, Пермь, 1979. С. 143-154.

Текст – Мурзин Л.Н. Текст как предмет лингвистического исследования // Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. С. 6-68.

Язык – Мурзин Л.Н. Язык, текст и культура // Человек – Текст – Культура. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1994. С. 160-169.

Список литературы

Бахтин М.М. Под маской. Маска 3. Марксизм и философия языка М.: Лабиринт, 1993. 192 с.

Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Васильева А.А. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2001. 331 с.

Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 140 с.

Грязнов Б.С. О взаимоотношении проблем и теорий // Природа. 1977, №4. С. 60-64.

Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. 248 с.

Кожина М.Н., Титова Л.М. К вопросу об авторской индивидуальности в научном стиле речи // Исследования по стилистике / Перм. ун-т, Пермь, 1976. Вып.5. С. 110-120.

Купина Н.А. Смысл художественного текста и аспекты лингвистического анализа. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1983. 160 с.

Лаптева О.А., Константинова А.Ю. Характер синтаксического членения речевого потока в устной публичной речи. Основная произносительная единица устной публичной речи // Современная русская устная научная речь. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. Т. 1. С.45-56.

Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990. 171 с.

Мурзин Л.Н. Лингвистическое моделирование и деривация в речевой деятельности // Деривация в речевой деятельности / Перм. ун-т, Пермь, 1990. С. 4-10.

Салимовский В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 236 с.

Шпитцер Л. Словесное искусство и наука о языке // Вальцель О., Дибелиус В., Фосслер К., Шпитцер Л. Проблемы литературной формы. М.: URSS, 2007. С. 189-221.

Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2002. 440 с.

Gajda S. Styl osobniczy uczonych // Styl a tekst / Instytut śląski w Opolu. Opole, 1996. S. 251-261.

Gajda S. Stylistyka funkcjonalna, stylistyka pragmatyczna, stylistyka kognitywna... // Stylistyka a pragmatyka. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2001. S. 15-22.

Hausenblas K. Výstavba jazykových projevů a styl / Univ. Karlova. Praha, 1972. 184 s.

Hausenblas K. Stručná charakteristika stylu a stylistiky // Stylistyka. IV. Opole, 1995. S. 233-243.

THE RESEARCH EXPERIENCE OF A SCIENTIST'S IDIOSTYLE

(based on Leonid Murzin's writings)

Vladimir A. Salimovsky

Professor of the Speech Communication Department
Perm State University

The article is devoted to the usage of the notion «author's image» to analyze the individual speech style of a scientist. The crucial style features of Leonid N. Mursin's scientific works are described using his hypothesis of the main axiological research principle. The following features are revealed: the priority of the stage speech genre; increased density of the given in the text heuristic ideas; specific indirectness of the utterances comprising the key senses; conformity with the style and speech norms of both written and oral speech, etc.

Key words: idiostyle; stylistic feature; scientific speech; speech genre.